

Мара сидела без сна на потрепанном противоперегрузочном диване в главном отсеке космического корабля "Сокол", не в силах уснуть. В голове у нее роились мысли. У них оставалось всего сорок часов, чтобы найти Люка, и она начала измерять время часами, а не днями. Едва сдерживаемая паника едва не захлестнула ее, когда ранним утром Лея Органа, спотыкаясь, вошла в главный отсек.

Обе женщины удивленно посмотрели друг на друга. Органа поплотнее запахнула пальто на своем поношенном ночном одеянии и тряхнула густой гривой темных волос, не сводя усталых глаз с Мары. - Не спалось? - спросила Мара, опустив взгляд на чашку кофе, стоявшую перед ней.

"Мне приснился странный сон", - ответил Органа, кивнув. "Еще что-нибудь?" Мара указала на скудный камбуз "Сокола". "Угощайтесь". Немного подумав, она добавила: "Наверное, лучше не упоминать Натану, что я пью кофе, иначе он опустошит весь твой запас".

Органа нахмурилась. "Он придерживается правил". Мара поняла, что сказала лишнее из-за своей усталости, и сохранила нейтральное выражение лица. "Ну, он очень заботится о своем здоровье". Органа приподнял бровь, но ничего не сказал, поэтому Мара быстро сменила тему. "Итак, расскажи мне о своем сне.

- Волки, - ответила Лея, уставившись в свою кружку. "Мой волк. Мара напряглась, пытаясь говорить ровным голосом. Этой ночью ей снова приснились волки, нарушив ее сон. Почему Лее приснился волк? Органа не отрывала взгляда от своей чашки, пока заплетала волосы в свободную косу, перекинутую через плечо. "Мне снится мой черный волк", - сказала она. "Не в ужасном смысле. Он всегда рядом, маячит в моей тени. Но сегодня вечером это исчезло."

Мара ответила: "Сегодня ночью я не могла прикоснуться к нему или почувствовать его". Лея кивнула. "Сегодня ночью это было похоже на призрак воспоминания, исчезающий под моей рукой". "Это Люк, волк", - сказала Мара. Органа быстро отвела взгляд, ее длинные темные волосы упали на лицо. Мара моргнула раз, другой, пытаясь вспомнить. Через мгновение она узнала другую женщину с круглым лицом, большими серьезными карими глазами и темно-каштановыми волосами.

На столе Люка лежал изящный, старый, потускневший серебряный голопроектор, и на экране материализовалось изображение женщины. "Я толстая", - заявила она. "Ты сияешь", - ответил он. Она долго смотрела на Лею, мысленно перебирая факты снова и снова... и что-то еще, какое-то более глубокое понимание, момент осознания резонировал в Силе.

Они были связаны — Органа и женщина на голограмме — мать и дочь, Мара была почти уверена. Она нахмурила брови, но зачем Люку держать изображение Органы на своем столе? Какой цели он служил, храня его? Было что-то большее, что-то большее... этот момент; ощущение, которое Люк часто пытался выразить словами, но никакими словами не мог передать — ощущение, что галактика затаила дыхание в ожидании. В голове Мары роились вопросы: Почему Лее Органа приснился волк? Последствия были глубокими.

— Энни, пожалуйста, не надо, я ужасно выгляжу.

- Ты прекрасен, - ответила она.

Голос, доносившийся из голографического проектора, был глубоким и успокаивающим, но в то же время молодым, с легким акцентом Обода.

- Пожалуйста, Энни...

И затем голос Люка в ангаре, с тем же легким акцентом, произносящий: "Мара — Энакин, вот как его зовут. Энакин — Энни — повсюду носит тебя в кармане". Это правда? Тогда возьми это... Я тебя люблю. И всегда буду любить.

На столе Люка стояла голограмма его матери, сделанная его отцом — отцом Люка до того, как он стал Дартом Вейдером, — матери Люка с ее большими карими глазами и тонкими чертами лица, так похожими на лицо Леи. Нет, шансы были не в ее пользу. Но тогда это многое объясняло в выборе Люка и его непоколебимом доверии к Лее. Скольким людям он мог бы по—настоящему доверять до такой степени - скольким он смог бы простить действия Органы? И решение Органа отказаться от восстания, пусть и ненадолго, в погоне за тем, кто должен был стать ее противником... Какова была вероятность такого развития событий? Сколько усилий потребовалось бы для того, чтобы она приняла это решение?

Органа смотрела на Мару, нахмутив брови, и складка между ее глазами напоминала ту, что была у женщины на голограмме. Мара вспомнила видение силы, через которое Люк осторожно провел ее, его мощь — бесконечная, как вращение Вселенной — притягивала все на своем пути.

Солнца-близнецы, кроваво—красная луна - все в движении, старые преданности подвергаются испытанию. Двойное солнце затмилось, превратившись в два кольца, выгравированных на золоте, взаимосвязанных, сбалансированных, взаимозависимых. Как сказал Лука, трон был Местом Пророчества, а его огромная спинка состояла из двух солнц, расположенных спина к спине. Надпись под основанием трона была сделана в виде переплетенных колец.

Два кольца, два солнца, два ритма, два... Между ними вплетена запутанная паутина возможностей, каждое будущее ведет к этому моменту. К тому времени, как Мара заговорила, ее уверенность была абсолютной. "Ты родной брат Люка", - заявила она. Ее темные глаза слегка расширились, и Мара заметила, как женщина, сидевшая напротив, вздрогнула. Органа долгое время хранила молчание, в голове у нее, несомненно, крутились тысячи опровержений. В конце концов, Мара решила избавить ее от этого испытания.

- Я видела голограмму твоей матери, которую Люк держит на своем столе, и вы с ней поразительно похожи... Кроме того, я чувствую твое присутствие в Силе, - сказала Мара.

Лея ответила: "Ты настроен на Силу, не так ли?"

Органа ответил: "Нет, я не знал об этом".

Лея добавила: "Я должна была догадаться... Даже Люк не знал. Они разлучили нас друг с другом".

- Значит, он не знал, что ты чувствителен к Силе? - спросил Оргна.

Когда вы сообщили ему об этом?

Лея объяснила: "Я навестила его на "Уоспе", чтобы получить ответы. Он был менее осведомлен, чем я".

- Тогда почему ты доверял ему? Спросила Оргна. Лея покачала головой, сказав: "Я на самом деле не доверяла ему. Это противоречило всякой логике. Я пошла на огромный риск... и продолжаю идти. - Мара взглянула на свое сердце, которое бешено колотилось от страха потерять его. Что было потом? Она вспомнила, как лежала с ним, как их тела соприкасались.

Она вспомнила его слова, нежные и тяжелые, пронизанные страхом. "Кто-то сказал мне, что ты можешь разрушить только то, что любишь", - сказал он. Это было самое близкое к признанию в своих чувствах, какое он когда-либо испытывал.

Она подняла на него глаза, но он заставил ее замолчать. "Не говори этого, никогда не говори этого", - сказал он. Она спросила, почему, и он ответил: "Что, если мы уже обрекли себя на проклятие?" Они никогда не произносили этих слов вслух, но цеплялись за это обещание, как будто оно давало им какую-то скрытую защиту. Но этого не произошло, и теперь она боится, что это может стать одним из ее самых больших сожалений.

Люк проснулся от звука открывающейся двери, освежающий порыв прохладного воздуха сменил душную атмосферу в камере. Он напрягся, когда подошли охранники и грубо потащили его обратно к столу, несмотря на его протесты. Его руки были скованы наручниками, что вызвало спазмы в животе, боль в плечах и дрожь в руках. Положение было невыносимым, его мышцы горели, когда он попытался протереть глаза, но его руки резко опустились по бокам, напоминая ему о его беспомощности.

Над ним нависла тень, и он, открыв затуманенные глаза, увидел, как Мадин придвигает стул к столу. - Снаружи, - сказали солдаты и отвернулись, не оглядываясь. Дверь с шипением закрылась, заперев их в закрытом коридоре. Люк повернулся к Мадин, которая наблюдала за ним с лукавым весельем. - Устал? спросила она. - Сегодня нечего сказать?

Давай посмотрим, сможем ли мы вовлечь тебя в беседу, Люк.

На стол между ними он положил два шприца для подкожных инъекций, наполненных бледной, молочно-белой жидкостью. Он позволил вам несколько мгновений разглядывать их, обдумывая их значение, прежде чем заговорить.

- Итак, Скайуокер, с чего мы начнем сегодня? С твоего наследника или с кодов?

Люк вздохнул с облегчением, сделав долгий, медленный выдох. Его голова поникла, а плечи ссутулились. Напряжение, которое росло с момента нашего последнего сеанса, начало рассеиваться.

Я не упоминала Мару при Мадине, потому что не могла этого сделать, чтобы он не заговорил о ней сразу. Он бы воспользовался этой возможностью, чтобы поиздеваться надо мной. Отчаявшаяся и уставшая, я нуждалась в передышке. Слабая, медленная улыбка появилась на моем лице, когда я посмотрела на него.

"Не хочешь поделиться шуткой?" - проворчала Мадина в ответ. "Нет, я, пожалуй, оставлю это себе. Спасибо".

Люк покачал головой: "Ты действительно умеешь хранить секреты, не так ли?" - спросил он, все еще глядя на шприцы перед собой. Он знал, что провоцировать Мадину в такой момент было не самой лучшей идеей, но ему нужно было отвлечь разговор от Мары.

"Или, возможно, кодов, которые я пытаюсь расшифровать, просто не существует", - продолжил он. "Семь наборов чисел — вы сами так сказали". Ваши глаза сузились, когда вы откинулись назад, насколько позволяли связанные руки. "Дело не в кодах", - сказал он. "Это о нас, о нашем эго и галактике, которая недостаточно велика для нас обоих".

Мадина потянулась за первым шприцем. - Ты собираешься рассказать мне то, что я хочу знать,

или мы продолжим играть в эту твою игру? она спросила. Люк ничего не сказал, просто пристально посмотрел на нее. Мадина пожала плечами, поднесла шприц ко рту, сняла колпачок и потянулась, чтобы поддержать руку Люка. Он напрягся, отчаянно пытаясь высвободить свою скованную руку, но все же не смог удержаться от наполовину сердитого, наполовину восторженного крика. Через несколько секунд вещество потекло по его венам, сделав каждую конечность невероятно тяжелой. Люк постепенно перестал двигаться, у него закружилась голова, и ощущение тяжести исказилось, когда он резко перешел в состояние невесомости.

- Ну вот, ты где?... ты уже паришь, не так ли? - раздался далекий голос, который прозвучал тихо и глухо в его ушах. "Это называется ко-фралодио - мороз на улицах, как говорится. Нам говорят, что на уборку уходят годы, и это стало основой для всех уникальных блюд, которые мы готовили для вас в течение последних нескольких недель при содействии Wez Reese. Может быть, нам стоит попытаться воздержаться от его приема в течение половины дня и понаблюдать за вашей реакцией?"

Люк медленно моргнул, пытаясь сосредоточиться. "Прямая линия..."

"Что?" - нахмурилась Мадина. "Не начинай с этого сегодня. Придерживайся прямой линии — сосредоточься от А до Я."

От А до Я...

Y...

X...

Мадин склонил голову набок, его губы сжались в тонкую линию от раздражения. "Какой сегодня алфавит? Это отличие от таблицы умножения".

V...

U...

T...

S...

Калтер сказал, что весь фокус в том, чтобы нарушить ход ваших мыслей. Прервать их; заставить вас слушать меня, а не себя.

R...

Q...

P...

Он достал из кармана небольшой предмет и протянул его Люку. Это был металлический стержень длиной примерно в половину его мизинца.

Люк взглянул на него, не потрудившись сфокусировать взгляд.

Рука, державшая предмет, шевельнулась, и с металлическим щелчком выскочило короткое широкое лезвие, блеснувшее на свету.

- Как насчет этого, чтобы нарушить ход мыслей? проворчала Мадина. - Если ты произнесешь следующую букву, я отрежу ее от твоей руки. - Люк замолчал, не сводя взгляда с лезвия. Это был короткий кинжал, не более чем в полпальца длиной, с острым лезвием, которое было почти таким же широким, как и само лезвие. Оружие казалось старым и поношенным, но даже сквозь пелену моего зрения его острота была очевидна.

Я медленно вздохнула. Кинжал, сверкнув металлом, придвинулся ближе, когда Мадина заговорила: "Не торопись. Нужно многое обдумать".

В напряженной тишине я медленно моргнул и перевел взгляд на Мадину. Пожилой мужчина кивнул, слегка опуская кинжал. "Очень хорошо, будем считать, что это успех. Теперь, что касается кодов..." Все еще под действием наркотика, я перевел взгляд на изогнутую стену. Мадина не колебался. Он схватил меня за запястье, расплющил мою руку и крепко держал ее, быстро вырезая букву. Боль была острой, когда нож глубоко вошел в мою плоть. Моя спина выгнулась дугой, и я рефлекторно напряглась в своих путах, резко втянув воздух.

Тугие веревки, несмотря на все его усилия, не поддавались. По телу Люка пробежала волна жара, когда он прижал руку к ране, пульсируя с каждым ударом сердца. Кровь просочилась между его пальцами и попала на стол, оставив их влажными. Мадина заметила, как дыхание Люка на мгновение замедлилось.

"Это была серьезная травма", - заметил он, качая головой с серьезным выражением лица. "Вы хотите продолжить или мне проинструктировать вас о правилах поведения?"

Глаза Люка сузились от боли, но адреналин придал ему ясности мысли. "Отправляйся в преисподнюю", - взревел он, пытаясь освободиться от пут, которые его связывали. Мадина схватила его за руку и резко ударила по ней.

Было уже далеко за полдень по местному времени, когда "Сокол" приземлился на хребте Эссау, всего в нескольких часах пути от Дикого Каррде. Лея и остальные собрались вокруг голографического стола на борту "Сокола", глядя на безобидный на вид черный алюминиевый корпус, в котором находилась их единственная надежда спасти жизнь ее брата.

- И что, это все? Спросил Хан, как всегда, равнодушный. Вряд ли она могла его винить. Ничем не украшенная стальная коробка была размером в половину клавиатуры для ввода цифр, с ручкой на одной стороне и тремя мигающими красными лампочками.

Каррд привел с собой своего молодого протеже, Гента, который, казалось, был совершенно очарован Нефритом. Когда они собрались, он осторожно подошел к Маре, разрываясь между благоговением и тревогой. Он почувствовал необходимость защищаться, когда Мара выжидающе повернулась к нему. Он вызывающе вскинул подбородок. - Эй, вы смотрите на передовые технологии. - Я не особенно люблю авангард, - раздраженно ответил Хан.

- Это просто еще один способ сказать, что она ненадежна, - ответил Гент, коротко улыбнувшись Маре. Она подняла коробку, чтобы рассмотреть ее поближе, не обращая внимания на его восхищение. Подняв глаза, она бросила коробку Лее, которая ловко поймала ее, когда Гент протянул руку. - Осторожнее с этим, - предупредил Гент. - Только не от тебя, - возразила Мара с лукавой улыбкой.

Лея поинтересовалась, как они могут определить, воспроизводит ли устройство код. Ознакомившись с планировкой диспетчерской на Wasp во время своего предыдущего визита, она вызвалась определить местонахождение блока управления. Хан и Мара проследовали по

правому борту по кольцевому коридору, предоставив Каррде и его команде начать поиски спереди. Гент наклонился вперед и объяснил процедуру. Он проинструктировал их нажать и удерживать кнопку и наблюдать за индикаторами, которые будут мигать, когда начнется процесс отбора проб, как они делали сейчас. Они должны были продолжать нажимать до тех пор, пока все три индикатора не станут устойчиво зелеными, указывая на завершение пробы.

Хан наклонился к нему и спросил: "Итак, как только мы получим зеленый свет, теоретически возможно ли уничтожить исходный передатчик?" Слайсер ответил: "Нет, пока нет". Мара спросила: "Почему бы и нет?"

Специалист по нарезке объяснил: "Мне требуется исходное устройство целиком — мне все еще нужно разобрать его и найти код деактивации для активного подчиненного компонента. Это устройство-копия просто принимает и записывает исходящую передачу, оно не копирует сам код. Кроме того, оригинальный передатчик может обладать средствами защиты от несанкционированного доступа. "Если устройство будет уничтожено и передаст сигнал запуска одновременно с работой устройства-призрака, я бы не хотел полагаться на реакцию подчиненного чипа ни на подлинный, ни на поддельный сигнал.

Кроме того, неясно, что произошло бы, если бы подчиненный чип был активирован путем ввода кода в подлинное устройство, в то время как поддельное устройство продолжало передавать данные. Чип может сработать, а может и не сработать.

- Замечательно, - поинтересовался Хан. - Не могли бы вы поподробнее, пожалуйста?

- Хан, это новейшая технология, - с негодованием ответил слайсер, хотя его слова были адресованы скорее Маре, чем Хану. Нет никакого способа манипулировать подчиненным чипом; они известны своей сложностью в воспроизведении, и этот конкретный чип не является исключением. Даже если бы вы смогли извлечь его, нам все равно пришлось бы расшифровать исходную программу, чтобы получить код деактивации.

Мара скрестила руки на груди и спросила: "Итак, какова практическая польза от того, чтобы снова иметь это?" - Гент отступил на шаг. "Что ж, как только "призрачный ящик" заработает, я могу гарантировать, что вы сможете выйти из зоны действия основного передатчика, и подчиненное устройство не сработает. Держитесь подальше от сигнала, и не будет иметь значения, кто его активирует", - сказал он.

Каррд поднялся на ноги. - Мы подойдем к "Уоспу" с передней стороны и сможем направить основной передатчик непосредственно к "Дикому Каррду", вне зоны досягаемости. Гент может приступить к работе над этим немедленно.

Учитывая репутацию Каррде в округе, было решено, что он должен публично рассказать о Wasp, чтобы привлечь к себе внимание. Идея показалась им разумной, и они решили привезти устройство с собой. Джейд, однако, отнеслась к этой идее с меньшим энтузиазмом, хотя теперь она предоставила Каррде больше самостоятельности. Лея признала, что ее тон был скорее властным и напористым, чем враждебным. "Не обижайтесь, но я не позволю этой оригинальной коробке исчезнуть из поля моего зрения", - сказала Халлин. Халлин поднялся на ноги. - Подождите минутку. Что вы имеете в виду, говоря "с глаз долой"? Вы будете находиться на борту "Сокола" и следить за тем, чтобы наш путь к отступлению был свободен.

Натан, который присутствовал при жеребьевке, согласился с тем, что Чубакка должен остаться на борту "Сокола". Сидевший напротив Леи Чубакка слегка приподнялся, явно ожидая возможности присоединиться к драке. Натан, казалось, согласился. — Да, возможно, было бы

благоразумно, если бы вы...

- Я ухожу, - заявила Лея. — Но...

Мара быстро выпрямилась и устремила свой "огненный взгляд" на Хана. Несмотря на то, что они находились лицом к лицу, Лея отметила, что медик превосходно сохранял самообладание.

Халлин нахмурился, взглянул на Лею, затем на Хана, прежде чем снова обратить свое внимание на Мару. - Мое мнение таково, что тебе следует остаться здесь.

- В самом деле? Почему так?

— Ну, видишь ли, - Натан, - сказала Джейд, доставая свой бластер из кобуры и кладя его на стол дежарика между ними, - если ты сможешь убрать это, не причинив мне серьезных увечий, я останусь.

Лея с напряженным вниманием наблюдала, как обе стороны повернулись к медицинскому дроиду. Он вытянул руку, и на мгновение Лее показалось, что он попытается это сделать, но затем он пошевелил пальцами и отступил назад.

День сменился ночью, а Мара продолжала расхаживать по тесному трюму "Сокола", уклоняясь от попыток Натана завязать с ней разговор и убедить отказаться от своего плана посетить "Осу". Время поджимало, и вариантов оставалось все меньше. Оставалось всего десять часов, и они оказались на критическом этапе, не имея четкого пути продвижения вперед.

Навигационные карты системы Толатин были спроецированы на голографический стол, образуя трехмерное изображение, и команда собралась вокруг, чтобы наблюдать. Казалось, что в любой момент на голографическом дисплее может появиться что-то вроде откровения или подсказки. Сама система была среднего размера, с единственной обитаемой планетой Толатин. Однако у хребта Эссау было еще пять планет и девять спутников, обращающихся вокруг звезды.

Из этих лун восемь в настоящее время разрабатывались из-за их минеральных богатств, что привело к постоянному потоку прибывающих и отбывающих кораблей, что еще больше усложняло ситуацию. Таким образом, они оставались в состоянии напряженного ожидания, ожидая вестей от Каррде, который искал зацепки на хребте. Тем временем Соло и Вуки рыскали в поисках улик. Однако Осы на гребне не было, и Мара была уверена в этом, ощущая это каждой клеточкой своего существа. Интуиция подсказывала ей, что Осы нет на Толатине, и она не могла обнаружить присутствие Люка, даже если он был скрыт влиянием Исаламири. Да, он мог быть там, но ее неотступно преследовала мысль — возможно, он уже ушел? Возможно, именно поэтому она не почувствовала его присутствия. Так она расхаживала по трюму, в то время как остальные сидели вокруг голографической проекции, пытаясь разработать план своего путешествия на одну луну или, возможно, на две, если они выберут более близкие. Они пытались логически сузить свой выбор.

Мара снова перевела взгляд на голограмму, почти не слыша голосов остальных, которые обсуждали возможные варианты, отчаянно нуждаясь в чем-нибудь, что угодно, что могло бы дать им совет. Она замолчала, снова устремив взгляд на систему. Его девять лун и пять планет вращались в режиме реального времени в сложном трехмерном представлении.

Какофония голосов, споров и пререканий стихла, и в ней зазвучал одинокий голос, от которого по спине пробежали мурашки. Лея обернулась, ее охватила непроизвольная дрожь, когда Мара

приблизилась к голографической карте, притянутая к ней, как марионетка на привязи. Один за другим люди вокруг голограммы постепенно погружались в состояние сосредоточенности. Вот оно, прямо здесь! Ее взгляд был прикован к голографическому изображению мертвой Луны, поверхность которой была тускло-ржавого цвета. Атмосфера давно исчезла, оставив после себя только рябую пыль, которая покраснела.

Когда она попыталась заговорить, ее голос превратился в хриплый шепот: "Как называется эта луна?"

Хан, нахмурившись, ответил: "Это Луна Вермилла. До нее девять часов пути. На языке бочче это название означает "Красная луна"."

Кристально чистое воспоминание вернулось к ней, яркое, как будто это только что произошло. Она вспомнила призыв Люка к Силе перед тем, как он предал Палпатина. Вой крадущихся волков, солнца-близнецы и пепельная луна, ставшая кроваво-красной. Все менялось, менялись союзы и привязанности. Луна была цвета крови. Был ли вообще ответ тогда, когда события уже развивались, как винтики механизма, вставшего на свои места? Неужели судьба уже дала ей ответы на вопросы, которые она еще не задавала? Осознание того, что такое "багровая луна", заставило ее вздрогнуть, отдаваясь абсолютным и неоспоримым знанием в каждой клеточке ее существа.

"Вот где они", - заявила она с непоколебимой уверенностью. "Они прямо здесь".

Люк очнулся, уже привязанный к столу. Боль пронзала его спину и плечи при каждой попытке пошевелить головой, руки все еще были в ссадинах и корке засохшей крови. На ткани его летного комбинезона в тех местах, где она прилипла к ранам, виднелись красные пятна.

Мадина сидела напротив, выглядя свеженькой в своей военной куртке и накрахмаленной рубашке. "Еще один день", - предположил Люк. Он медленно сел, размышляя, не был ли он связан всю ночь.

- Доброе утро, Тринадцатый, - поздоровалась Мадина.

- Что? - спросил Люк.

"День тринадцатый", - с улыбкой ответила Мадина. "Для некоторых, я полагаю, это был небольшой облом". Люк издал тихий смешок. Он чувствовал себя оторванным от реальности, как будто все происходило в замедленной съемке. Ему становилось все труднее что-либо отчетливо различать.

- Я подумал, что мы могли бы обсудить вашего наследника сегодня, - заметил Люк, поспешно опуская взгляд, отчего все вокруг закачалось.

Мадина ответила ухмылкой, в ее тоне слышалась насмешка. "Ты уже говорил мне, что у тебя нет наследника", - сказала она.

Люк поминутно качал головой, чувствуя, как его тело клонится вперед от усталости, а иногда и от спазмов в желудке. Было сложно определить, как долго он не употреблял наркотики или находился в состоянии алкогольного опьянения.

"Мне было достаточно убедиться, что то, что вы сказали, было правдой, и это было видно по вашему лицу", - продолжила Мадина, снова откидываясь на спинку стула. "После этого все

остальное было просто; я переключил свое внимание на Корускант и человека, обладающего властью". Вы не ставите никого выше матери своего ребенка — она будет управлять империей до тех пор, пока не передаст ее своему ребенку. - Короткий интерес, - Люк молчал, чувствуя, как в него начинают закрадываться первые нотки паники.

- Я надеюсь, вы попрощались с ней перед отъездом. Если нет, я отправлю команду на Корускант прямо сейчас... Я попрошу их передать ваши сожаления, - Люк вскочил на ноги и двинулся вперед. Поводок резко остановил его, когда он дернулся, не обращая внимания на боль, пронзившую его руки.

Мадина усмехнулась, наблюдая за борьбой Люка. - Посмотри на себя. Впервые я вижу от тебя хоть какие-то искренние эмоции. - Люк поднял глаза и обнаружил, что его схватили две сильные руки, которые отбросили его назад, несмотря на его сопротивление. Все еще кипя от ярости, он полуобернулся, пытаясь нанести удар босой ногой, но нападавший ловко блокировал удар сильным ударом в колено, вызвав хруст, и противник рухнул на землю. Несмотря на неудачу, усилия Люка были тщетны, так как грубая сила взяла верх над его ослабленным и измученным состоянием.

Мадина с улыбкой наблюдала за борьбой Люка, его глаза злобно сузились. - Нам следовало обсудить это с обеих сторон, - сказал он. - Я предлагаю тебе сделку, Скайуокер: если ты предоставишь мне коды, я отменю нападение.

Люк поднял глаза, все еще задыхаясь, обуреваемый вихрем эмоций. Воспоминания о лице Мары, ее улыбке и голосе — тысячи мгновений промелькнули в его голове, усиливаясь из-за продолжительного действия лекарств, которые распространялись по его телу после выброса адреналина. Слова, которые она произнесла, ее непоколебимая сила и абсолютное доверие — "Я доверяю тебе" — "Я не могу... я не могу дать тебе коды" — "Очень жаль" — Мадина поднялся на ноги и отвернулся.

- Подожди! - крикнул я. - Закричал Люк, отчаянно нуждаясь в решении. Мадина замолчала, пристально глядя на него. - Коды, - сказала она. - Я не могу.

"Тогда она умрет, а вместе с ней и ребенок", — ответил он, не в силах потерять Мару. Он не мог... но и не мог сдать флот или предать судьбы сотен тысяч людей с обеих сторон. Он не мог позволить Мадине получить такую власть.

- Пожалуйста, не спрашивай меня об этом, - взмолился он. " Я просто хочу получить ответ. Люк наклонился вперед, чувствуя, как нарастает давление, настолько сильное, что он едва мог дышать. В отчаянии он уронил голову на руки.

В голосе Мадины смешались веселье и отвращение. - Ты, сын Ситхов, не хочешь мне сказать? Я не могу тебе сказать, - ответил Люк, качая головой и пряча выражение лица. Он знал, что любые просьбы окажутся тщетными, но ничего не мог с собой поделать.

— Все, что угодно, я сделаю все, что угодно. Только не...

Стоя на полпути между Скайуокером и приоткрытой дверью камеры, Мадина несколько долгих мгновений смотрела на него, наблюдая за человеком, сломленным и отчаявшимся, неспособным подчиниться тому, чего он хотел. Медленная улыбка расплзлась по его лицу, когда он понял, что Скайуокер не может понять, говорит он правду или нет, и искушение оказалось слишком велико.

Подойдя к краю стола, он наклонился к уху Скайуокера и прошептал: "Она уже мертва".

Скайуокер молчал, обхватив голову руками. Мадина продолжила: "Ей не следовало быть в толпе, но она хотела сплотить людей на свою сторону. Знаешь, на ней было твое кольцо. Ты был бы доволен этим". Мадина стояла там, одетая в белоснежное платье, символ самой невинности, и сказала: "Из-за тебя погибли еще двое невинных".

Скайуокер вскочил на ноги, его стул с грохотом упал позади него. Его ярость была ощутима, и он издал крик отчаяния и ярости. Его сила была такова, что ему удалось подтянуть тяжелый стол к себе, используя веревки на запястьях в качестве рычага.

Мадина отступила на шаг, чтобы не оказаться за пределами досягаемости, и с легкой улыбкой удовлетворения наблюдала, как двое солдат двинулись вперед, чтобы усмирить Скайуокера. Они ударили его по коленям, чтобы заставить опуститься, но он тут же поднялся на ноги.

На этот раз солдатам пришлось пустить в ход кулаки, чтобы сбить его с ног. Один из них нанес Скайуокеру удар по почкам, от которого у него просто дух перехватило. Он упал на землю, согнувшись пополам, пытаясь отдышаться. - Еще один, - бесстрастно произнесла Мадина. Тинел нанес Скайуокеру мощный удар по голове, вложив в него всю силу своей руки и плеча. Мадина наблюдала, как тело Скайуокера обмякло еще больше, его голова запрокинулась, а плечи опустились. Убедившись, что мужчина не сможет подняться, он спокойно обошел стол и опустился на колени рядом с задыхающимся, находящимся в полубессознательном состоянии человеком. - На данный момент, - пробормотал он, - мы квиты.

Долгое время Мадина стоял достаточно близко, чтобы Скайуокер мог атаковать, но воля к борьбе была у него отнята. Мадина понимал, что причиной тому было не только избиение. Он поднялся, носком ботинка вывел Скайуокера из равновесия, наблюдая, как тот заваливается набок, связанный веревками. С этими словами он повернулся и, довольный, ушел.

Менее чем через час они будут в часе пути от Луа Вермилли. Мара с мечом в руке обошла основное помещение "Сокола" в поисках необходимых принадлежностей. Она живо вспомнила, как Люк дарил ей световой меч, его жест был одновременно щедрым и сдержанным, как бы говоря: "Я думаю, ты заслуживаешь чего-то более изысканного".

Она замолчала, почувствовав, что что-то привлекло ее внимание. Краем глаза она заметила Соло, сидящего за голографическим столом, перед ним лежал разобранный бластер, его части были разбросаны по всей поверхности, пока он возился с основным реле.

- Пожалуйста, скажите мне, что это не ваш бластер, - спросила она.

Соло осторожно ответил: "Это просто может быть..... Мы всего в часе езды от места назначения, так что же побудило вас заняться этим устройством сейчас?" Мара села на кушетку и начала изучать компоненты, разложенные на голографическом столе. Среди них был сломанный скремблер частиц, который был спрятан под ее сиденьем по прибытии "Сокола" на Корускант и ожидал ремонта.

Хан подошел к ней и сказал: "Я мог бы собрать этот бластер обратно примерно за шесть минут, даже в темноте". Он протянул ей разобранный инструмент. "Давай, попробуй. Я засеку время, - добавил он, кивая на световой меч, который она все еще держала в руках.

Мара посмотрела на свой ремень, который был расстегнут. - У меня расстегнулся замок, - сказала она, поняв, что имел в виду Хан. - Мы оба склонны напрягаться, когда испытываем

стресс, не так ли? Соло улыбнулся. - Ты заметишь, что мой световой меч остался целым, в отличие от твоего пояса.

Вздохнув, Мара наклонилась вперед и подсоединила блок питания к бластеру, объяснив Хану его назначение. "Это на случай, если мы найдем Люка", - заключила она.

"Люк доверяет тебе, - подумал Хан, - и я начинаю чувствовать то же самое". Но все же в этом устройстве есть что-то такое, что вызывает у меня подозрения. Хан нахмурился, вставляя затвор в патронник. Возможно, он и не был... Я не думаю, что он смог бы это сделать...

- Я знаю это, - сказала Мара, поспешно откладывая саблю в сторону, как будто она была раскаленной. " Ты обеспокоен? - Обманчиво небрежным тоном осведомился Соло.

"Не совсем", - ответила она, и ее ответ прозвучал неискренне. "Я больше беспокоюсь о том, что мы выйдем из гиперпространства не в том месте и потеряем девять часов, пытаясь найти дорогу обратно".

По привычке Хан проверил соединения между источником питания и активной цепью, проведя языком по большому пальцу, но тут же отшатнулся от неожиданности, когда его слегка тряхнуло. Мара нахмурилась, увидев его реакцию, но взяла с верстака разобранный ствол и снова прикрепила компенсатор, закрутив его. - Как ты думаешь, там ничего не будет? Эта мысль приходила ей в голову много раз — она основывалась на смутных воспоминаниях из далекого прошлого. Хан успокаивающе пожал плечами, защелкивая корпус бластера на месте.

"Я просто говорю, что мы должны быть готовы ко всему", - сказала Мара. "Я готова к тому, что его может там не оказаться, но я не уверена, готова ли я к..." Она замолчала, глубоко вздохнув. - Давайте не будем пытаться строить догадки о том, что он мог сделать или чего не сделал.

Мара отбросила эту мысль, не желая больше думать об этом. Она пережила достаточно бессонных ночей и напряженных дней, представляя себе сценарии, основанные на том, что было известно имперской разведке о Мадине и его печально известном характере. Даже имея в виду Исаламира, поскольку Мадине удавалось держать Люка под контролем, она предположила, что он, должно быть, использует какое-то успокоительное... что означало, что Люк, скорее всего, знал правду... Она замолчала, направив дуло оружия в сторону Соло, который принял его и ловко установил в нужное положение. Легким движением запястья он включил прицел и закрепил шнур питания на месте. Крепко сжав бластер, он прищурился через только что активированный прицел.

- видишь? Это заняло у меня всего несколько секунд, - заметил он. Мара, мысли которой на мгновение сбились с пути, удивленно подняла брови. - Ты правда их почистила?

Соло кивнул. - Действительно, я так и сделал. Со временем на контактных линзах скапливается мусор, поэтому я позаботился об их тщательной чистке."

Мара с любопытством перевела взгляд на пустой стакан на столе. - Как, черт возьми, тебе это удалось?

С кривой улыбкой Соло ответил: "Лучшее чистящее средство, известное человечеству, - это комбинация слюны и подола вашей собственной рубашки".

- Что у вас есть? Спросила Лея Органа, сидевшая в кресле стрелка в кабине "Сокола". Мара встала, чтобы лучше рассмотреть пыльную красную луну. Натан ответил с панели связи,

бросив на нее короткий взгляд. - Три эсминца за три часа и перехватчик чуть дальше.

"Еще шесть эсминцев появятся через 19 часов, хотя, если мы захватим "император", сюда придут все корабли флота", - продолжил он.

Лея знала, что это неплохая идея. Она уже говорила ему наедине, что, что бы ни случилось, он не должен отходить от Люка ни на шаг. При нем было устройство слежения, частота которого была передана адмиралу Джоссу.

Честно говоря, Лея верила, что Соло и Органа справятся с этим - даже Каррд, - но скоро в непосредственной близости будет много кораблей повстанцев и имперцев, а следовательно, и много нервных военнослужащих со своими собственными целями. Поскольку Люку требовалась немедленная операция по удалению рабского чипа, а два корабля повстанцев уже были там, они решили сначала направиться в это место. Однако, зная, что приближается Перехватчик, Соло оглянулся, когда они вышли на высокую орбиту вокруг Луа Вермилия, направляясь к единственному известному поселению, колонии по добыче селена, местоположение которой было предоставлено Каррде. Теперь они улетали от Перехватчика рассыпным строем, и Соло предположил, что это может быть полезно, если они спугнут Перехватчика.

Мара твердо заявила, что они не могут рисковать и ждать, так как это займет у них до четырнадцатого дня. Она решила присоединиться к отрядам повстанцев, несмотря на то, что "Сол" и "Зефир" уже на час отставали. Оставалось всего два часа до полуночи и начала четырнадцатого, когда Мадин пообещала казнить императора, если у них не будет других войск, Мара была полна решимости довести свой план до конца. Мадин не собиралась поднимать Люка в полночь, она это знала. Однако Мара боролась с растущим желанием действовать. Три отряда повстанцев на борту "Сола" и "Зефира" примерно уравнили бы их в силе с людьми Мадин. Их прибытие через час означало бы, что запланированная атака состоится ближе к полуночи - самое подходящее время для нападения и бегства, когда люди находятся в самом напряженном положении. Это могло бы дать ей, может быть, десять минут общения с профессиональной командой спецназа... но она бы воспользовалась этим преимуществом, если бы могла.

Прямо сейчас им нужно было определить точное местоположение Wasp, и источники Каррде сообщили, что на рудничных площадках колонии скопились большие транспортные средства. Им нужно было действовать осторожно и продумать логистику района и место нападения, чтобы быть готовыми к выступлению, когда придет подкрепление. Когда несколько минут спустя "Сокол" пролетал над единственной шахтерской колонией Луа Вермиллы, Мара приготовилась к тому, что среди транспортных кораблей может не оказаться грузовых судов шестого класса. Чего она никак не ожидала, так это того, что их было четверо, а также еще пять поврежденных грузовых кораблей, припаркованных вокруг главного здания. Соло громко выругался на кореллианском: "Ну и что, черт возьми, мы теперь будем делать?" - Спросил Натан, когда они проходили мимо, вставая, чтобы рассмотреть получше. - У вас есть какие-нибудь данные? Какие-нибудь мощные сигналы?" Вуки дал ответ, который Соло перевел, все еще глядя на удаляющийся корабль, в то время как "Сокол" накренился, чтобы как можно дольше держать его в поле зрения. "Все активно, все работает на полную мощность", - сказала Мара, наклоняясь к системе связи "Сокола". "Каррд, ты можешь распознать в каком-нибудь из этих грузовиков обычные корабли?" "Нет, ни один из них", - ответил Соло. "Ты их не узнаешь?" "Эй, это все серые грузовые суда шестого класса с какими-то несовпадающими панелями. После десяти лет эксплуатации все они выглядят одинаково, - сказала Лея, не отворачиваясь от экрана. Вуки хмыкнул в знак согласия. - Подождите, у "Осы" субсветовые двигатели! Сказал Натан. "Они были частично демонтированы, когда мы увидели это на станции Квен?" Соло повернулся к нему и вуки, наклонившись вперед. У них у всех была подсветка... что дальше? Он

не упомянул то, о чем все думали - что, возможно, все это неправда. Вуки издал еще один низкий стон, когда Соло сел, стараясь сохранять оптимизм.

"Да, я думаю, если бы у вас на борту был готовый комплект, вы могли бы вывезти его в открытый космос и установить за три-четыре дня, если бы у вас была пара дюжин свободных людей", - сказал Соло. Мара нахмурилась, глядя на грузовые суда. Дюжина свободных людей — что она и сделала. Плюс место для их хранения в одном из трюмов грузового судна. Дюжина человек...

"Подожди минутку..." Она поднялась, чтобы посмотреть, как Соло закладывает вираж над "Соколом" по еще одной широкой дуге, держа грузовики в поле зрения, но не приближаясь слишком близко. Последний грузовой корабль, самый дальний из них... сколько признаков жизни? Хан перевел ворчание Чуи. - Может быть, сорок, рассредоточьтесь, - Мара покачала головой, потому что у нее не было никакой информации. На самом деле, она вообще не получала никаких данных от Полиции о последнем грузовом корабле. Оно было пустым, как будто в ее чувствах произошел сбой или в ее восприятии образовался пузырь.

- Вот... вот и все! Соло нахмурился. - Что заставляет тебя так говорить?

Лея с надеждой обернулась: "Ты уверена?" Мара кивнула, стараясь передать свою уверенность голосом. "Это верно".

Лея посмотрела на Хана, который недоверчиво уставился на нее: "Серьезно, мы делаем это, основываясь только на цифрах?"

В ответ она наклонилась к коммуникатору: "Каррде, мы определили его как последний шестой класс на планшете, самый дальний. Мы пролетим над его левым бортом, посмотрим, сможем ли мы лучше оценить ситуацию. Не подходи слишком близко и не позволяй им сканировать нас." "Мы не хотим инициировать какие-либо события, пока не прибудет подкрепление", - сказал Соло, стараясь, чтобы спину его Falcon было видно, и оставаясь на высоте, пока датчики кабины получали от Уайлда Каррде множество данных о щитах, видимом вооружении, энергетических и тепловых точках на Wasp.

Глаза Мары пробежали по потокам ценной информации, а затем она перевела взгляд на Wasp... что-то привлекло ее внимание. Она изумленно уставилась на него. Лея наклонилась через ее плечо, изучая далекую посадочную площадку.

- Мы можем приземлиться на дальней стороне горного комплекса? Спросила Лея. - Наши войска находятся в часе езды отсюда, и мы могли бы захватить комплекс первыми.

Мара едва слышала слова Леи, ее глаза все еще были прикованы к грузовому кораблю. Что-то в нем показалось ей знакомым... Она вспомнила, как Люк прошлой ночью учил ее быть более открытой Силе и как трудно ей было поначалу. Она вспомнила его слова: "Иногда это так неуловимо..." - Все равно что увидеть звезду, не глядя прямо на нее. Слишком много шансов, что Мадина обратит на это внимание, голос Соло издали отвлекал ее. Нам лучше присесть прямо над обрывом и ходить в респираторах. У нас приемлемая гравитация, но нет атмосферы. Что-то... на кончике моего языка вертелась мысль, которая никак не могла прийти в голову. Как будто я увидел звезду, не глядя прямо на нее, и закрыл глаза, отгородившись от физического мира. Осязаемая опора, к которой я всегда обращался и от которой зависел. Что-то... От этого ощущения у Леи по спине пробежали мурашки, когда она обернулась. Страх охватил ее с такой силой, что у нее перехватило горло и голос превратился в прерывистый шепот.

- Что-то не так, - сказала она. Мара мгновенно повернулась и уже пятилась к выходу из кабины. Лея Органа, стоявшая рядом с ней, откинулась на спинку кресла пилота, когда Хан поднял голову.

- Что-то очень не так, - сказала Мара. - Нам нужно немедленно уходить.

- Сейчас? - спросила Леа, когда они дошли до конца короткого коридора, ведущего в главный трюм. - Сейчас? Через час здесь может быть полноценная оперативная группа со специалистами и специальным оборудованием.

Мара покачала головой, прекрасно понимая, что они не могут ждать. - Мы идем прямо сейчас, - сказала она твердым голосом, несмотря на логику слов Леи. Она понизила голос и обратилась только к Лее: - Скажи мне, что ты этого не чувствуешь... Просто остановись и послушай. Я знаю, что-то там есть, что-то шепчет на задворках твоих мыслей. Я знаю, ты чувствуешь это своим нутром, ты можешь это почувствовать, ты можешь к этому прикоснуться. "Послушай, что там написано".

Лея заколебалась, удивляясь, как она может так сильно доверять этому. Мара полностью понимала ее, хотя всю свою жизнь воспринимала это как фоновый шум. Она ассоциировала Силу со своим старым учителем, Палпатином, и теперь, когда его не стало, Люк стал ее новой точкой отсчета. Ответ казался очевидным: "Почему бы и нет?"

Лея нахмурилась, оглядывая Соколиную бухту, и впервые попыталась по-настоящему услышать этот голос. Каким-то образом, благодаря непоколебимой вере Мары, ей было позволено услышать его. Находясь так близко, Мара чувствовала, как движутся мысли Леи, пытающейся понять эту общую связь. В этот момент неопределенности, когда выбор сузился, а риски возросли, Луа Вермилла - красная луна - кровь, красная луна - кровь... Прилив тошноты и ощущение свободного падения, когда горло Мары сжалось от сочувствия к Лее. Лея ахнула и, спотыкаясь, попятилась по коридору, крича Хану с широко раскрытыми глазами: "Мы должны идти!"

"Подожди минутку!" - "Что случилось с планом?" Лея протянула руку и схватила Хана за плечо, крича от страха. "Хан, просто сделай это!"

Люк лежал, распростертый, в тесноте камеры, совершенно измученный и задыхающийся, его тело сотрясали дрожь и боли в животе. Но это был конец — ему больше нечего было терять. Он медлил так долго, потому что шансы были не в его пользу, но теперь... шансы больше не имели никакого значения. Он прекрасно понимал, что шансов на спасение у него практически не было, и даже эта слабая возможность исчезнет, если Мадин активирует чип, который, как он был уверен, был встроен в его череп. Но теперь все приняло другой оборот... сейчас он больше не думал о том, чтобы покинуть судно. Все, чего он желал, - это возможности встретиться лицом к лицу с Мадин, а этого он не мог получить, находясь в камере. Ради этого он был готов рискнуть всем — на самом деле, в тот самый момент он с радостью пожертвовал бы всем ради этого.

Он не беспокоился ни о цене, ни о том, что может случиться, потому что Мадина оставила его без гроша в кармане... без гроша в кармане. После еды он ждал так долго, как только мог. Ему всегда казалось, что уже поздний вечер, и он хотел дожидаться глубокой ночи, прежде чем пытаться двигаться, чтобы охранники не устали. Хотя, по правде говоря, он действительно понятия не имел. Его мысли были затуманены, и чувство времени покинуло его одним из первых, вместе с душевным равновесием, что могло обернуться самыми неприятными

последствиями. Тем не менее, суть дела заключалась в следующем: ему нечего было терять, и вместо того, чтобы следовать тщательно разработанному плану побега Мадин, он предпочел быть казненным на месте. Пожертвовать всем ради единственного шанса, единственной возможности для человека, который лишил его всего несколькими тихо произнесенными словами: "Все кончено. Ее больше нет". Из-за твоих действий погибла еще одна невинная жизнь.

На самом деле, он сидел спиной к камере, используя один из осколков пластика, чтобы проделать дыру в грубом одеяле. Он медленно потянул ткань на себя, образовав длинную тонкую полоску. Он повторил этот процесс еще раз. Все еще притворяясь спящим, он использовал кусочки, которые нашел от сломанного диктофона, чтобы связать полоски ткани через определенные промежутки времени. Прочные фрагменты были шире полос ткани и торчали из креплений. Он собрал их вместе, хотя его все еще одолевали сомнения относительно его плана. Он знал, что если ему удастся поднести полоску ткани вплотную к двери во время работы пылесоса, то свободный конец ткани с безошибочной точностью протянется через щель, какой бы маленькой она ни была. В конце концов один из осколков застрял бы в отверстии, слегка нарушив герметичность.

Вакуум был опасной сущностью; требовалось лишь малейшее нарушение целостности, чтобы нарушить его целостность, делая его камеру уязвимой для мощной силы за двойной стеной. Чем дольше сохранялась герметичность, пусть даже незначительная, тем сильнее снижалось давление в камере, в конечном счете приближаясь к состоянию, близкому к вакууму. По мере приближения вакуума давление на дверь уменьшалось, что облегчало извлечение фрагментов.

Следовательно, если бы кто-то открыл дверь камеры в этом вакууме, произошла бы быстрая декомпрессия. Он несколько раз был свидетелем подобных случаев, когда в старых космических кораблях выходили из строя механизмы воздушного шлюза. Он прошел подготовку по быстрой декомпрессии во время полетов с пилотами-нарушителями. На самом деле, он уже испытывал это однажды, когда в космосе был поврежден купол его "крестокрыла", а на нем был скафандр с кислородной маской. Однако на этот раз он был не готов. Это была другая ситуация.

Когда он потянулся, его сердце бешено колотилось о грудную клетку, и он провел дрожащей рукой по нижней стороне тяжелой рамы кровати. Он извлек скремблер из потайного места и глубоко вздохнул, пытаясь успокоить свои лихорадочно мечущиеся мысли. Его прерывистое дыхание заглушалось грохотом собственного сердца. Ошеломленный и дезориентированный, он понимал, что его мыслительные способности недолго будут оставаться ясными. Дрожащими пальцами он сунул в рот скремблер и активировал его, откусив кусочек. Когда охранники подошли, чтобы осмотреть камеру наблюдения, он воспользовался представившейся возможностью. Они предположили бы, что просто поправляют неисправный объектив, не подозревая об истинной природе его действий.

Люк, как обычно, сидел на краю кровати, молча наблюдая за ними. Позвякивание тяжелой цепи на его лодыжке сопровождало его движения. Как обычно, он нажал кнопку шифратора, отключая его, и наблюдал, как они покидают комнату. Как только дверь за ними закрылась, он снова активировал шифратор, прикусив его. Крепко зажав его зубами, он вытащил из двери укрепленную пласталью полоску, зажав один конец в своей руке. Полоска развернулась, как живое существо, и ее мягкий конец потянулся к почти закрытой двери. В мгновение ока вакуум всосал полоску в щель. С громким хрустом третий кусок пластасти поддался, слегка нарушив герметичность. Ликуя, Люк бросился к двери. Сознывая, что его уверенное, постепенное перемещение по койке позволит ему добраться до портала с полностью натянутой цепью на лодыжке, Люк присел на корточки перед дверью.

Нарушенное уплотнение уже выдало себя резким шипением воздуха, поскольку вакуумная система, предназначенная для откачки воздуха только из пространства между внутренней и внешней стенками камеры, начала оказывать свое воздействие через нарушенное уплотнение. Люк почувствовал изменение атмосферного давления, когда вакуум попытался вытеснить воздух из замкнутого пространства, и горячо молился, чтобы его оценка недостаточной герметичности оказалась верной, не позволив вакууму удалить воздух из помещения. Обеспокоенный скоростью, с которой вакуум очищал камеру, Люк начал дышать короткими, учащенными вдохами, уже испытывая головокружение. Люк упал на пол, прижавшись лицом к едва приоткрытой двери. Он услышал последний щелчок запирающего механизма на внешней двери, когда система тщетно попыталась закрыть ее. Когда герметичность была почти нарушена, он вдохнул то небольшое, что оставалось кислорода, со свистом вырываясь через щель с угрожающей скоростью. Если бы он ошибся и там был достаточный уровень вакуума, это была бы короткая и мучительная попытка к бегству. Люк рассчитывал на два фактора. Во-первых, учитывая, что на дверях были установлены стандартные замки, он был уверен, что вакуумный насос вакуумной камеры не будет соответствовать требуемым стандартам. Во-вторых, даже если бы насос вышел из строя, процесс декомпрессии не был бы фатальным, поскольку камера была спроектирована таким образом, что давление в ней снижалось достаточно быстро, чтобы люк потерял сознание. По замыслу архитектора, Люк должен был пережить этот опыт. Когда он сделал последний вдох и почувствовал все возрастающее давление на легкие, ему запоздало пришло в голову, что его попытка к бегству может быть обоснованной, рациональной теорией, основанной на понимании механики вакуума и неделях тщательного наблюдения, а может быть, это абсурдная идея, порожденная иллюзиями, усугубленными длительным употреблением наркотиков и недосыпанием в течение тех же недель. Как бы то ни было, он понял, что передумывать уже поздно. Он улыбнулся этой мысли, и от этого движения на его лице появились свежие струпья. Развеселившись, он почувствовал легкость на сердце. С ощущением головокружения он сделал несколько последних вдохов, когда последние дуновения воздуха исчезли вместе со звуком все еще скрипящего механизма автоматического закрывания двери.

Летные инструкторы говорят, что в вакууме человек приходит в сознание примерно на пятнадцать секунд, возможно, даже на такое же время, что и в полубессознательном состоянии. Ему приходилось дышать медленно, чтобы избежать серьезных повреждений, так как вакуум увеличивал количество кислорода в легких. Тем не менее, он не мог полностью опорожнить легкие. Он вспомнил это из своей практики пилотирования в дальнем космосе: не дыши полностью, не вдыхай, несмотря ни на что, иначе погибнешь. Люк прислонился к стене, крепко упершись ногами, и надавил на полоску ткани, медленно выдыхая, позволяя своим легким расслабиться. Пока его тело наполнялось кислородом, он ждал, пока давление в камере выровняется, надеясь, что это ослабит давление на дверь и раны на его руке перестанут кровоточить. Почувствовав, что натяжение одеяла ослабло, он завернулся в него, пытаясь восстановить силы, а затем с новой решимостью оттолкнулся от стены.

Автоматический механизм двери открыл защелку, и Люк рухнул на пол. Перед глазами у него уже все плыло, но он продолжал медленно выдыхать, не позволяя себе вдохнуть. Снаружи, должно быть, поднялась паника, когда они поняли, что что-то не так с вакуумной системой. Они следили за ситуацией? Возможно, ему следовало подумать об этом раньше. Время, казалось, тянулось бесконечно, и Люк чувствовал, что не может дышать, словно тонет на суше. Он знал, что если он сейчас сделает вдох, это может привести к летальному исходу из-за риска повторного сдавливания. Из-за баротравмы у него онемели конечности, что лишило его организм кислорода, который поступал к жизненно важным органам.

Выдыхать... Слабый гул, похожий на отдаленное эхо, разносится по почти пустому

пространству, когда коридор за дверью камеры сжимается. Сама камера, в которой теперь нет воздуха, закрыта внутренним порталом. Плотная завеса тьмы окутывает чувства Люка, и он начинает паниковать, пытаясь восстановить дыхание. Все в порядке, ты предвидел это. Не вдыхай...

Приглушенные звуки голосов и шагов заглушаются герметичной внутренней дверью и почти безвоздушным пространством камеры. Охранники приближаются к portalу, ожидая активации силового замка. Без их ведома камера превращается в пустоту. Больше не вдыхайте... Ваши пальцы уже покалывает и немеют. Ваше сознание угасает; существуют ли они еще? Подождите еще мгновение. Мелькает воспоминание, давняя греза о том, как вы кувыркались и погружались в глубокие воды. Твои легкие горят, давление огромно, твое сознание ослабевает — еще мгновение — Открой дверь! Еще мгновение...

Его легкие были опустошены, он задержал самый слабый вдох, чтобы защитить их от давления, его грудь напряглась, чтобы не дышать. Тяжесть была чудовищной, затуманивая зрение, пока не исчезла совсем. Свет рядом с дверью менялся от алого к зеленому, когда механизм отключился, и портал втянулся внутрь, всасываемый камерой. Верхняя петля не выдержала, и дверь с силой ударилась о стену, сбив обоих охранников с ног, когда поток воздуха хлынул в пустоту. Люк потерял сознание, когда началась быстрая декомпрессия.

Сердце Люка бешено колотилось, перед глазами все расплывалось, он терял ориентацию. Он сделал глубокий, прерывистый вдох, издавая нечленораздельные звуки, пытаясь подняться. Перекатившись, он неуклюже попытался встать на ноги. Со звоном в ушах он пополз к стражникам, которые совершенно неподвижно стояли, прижавшись к стене.

Он заставил себя выпрямиться и, шатаясь, поднялся на ноги. Мир закружился вокруг него, и он снова упал на четвереньки, крича от отчаяния. С новым приливом энергии он попытался встать еще раз. На этот раз его первая попытка дотянуться до бластера, лежащего рядом с лежащими без сознания охранниками, увенчалась успехом. Однако его онемевшие и дрожащие руки с трудом удерживали дуло пистолета, которое было прижато к цепи, все еще приковывавшей его к кровати, которую передвинули через всю комнату в процессе быстрой декомпрессии. Вокруг его лодыжки, там, где кандалы врезались, когда его нечаянно оттащили назад, была глубокая багровая полоса. Он выпустил две пули в цепь, разорвал ее и впервые за две недели смог освободиться.

С трудом поднявшись на ноги, он, пошатываясь, направился к двери, трясая головой, чтобы рассеять туман в глазах. Он схватился рукой за дверной косяк, чуть не упав вперед, но восстановил равновесие и ворвался в дверь! Все еще пошатываясь, он разразился маниакальным смехом. Он добился своего! Он поклялся сбежать, и теперь ему это удалось! Когда его зрение прояснилось, он огляделся. Он оказался в огромном помещении, примерно в четыре раза превышающем его прежнюю камеру. Там было несколько выходов, и ему было необходимо найти один из них до того, как комната заполнится.

Взрыв был тихим, но тревога, несомненно, прозвучала где-то в другом месте. С бластером в руке Люк побежал быстрой рысью, держась поближе к периметру отсека. Его походка была неустойчивой, так как каждые несколько шагов он тяжело опирался на стену, чтобы не упасть. Он огляделся, не зная, в каком направлении двигаться. Он знал, что должен убегать как можно быстрее. До появления врага оставались считанные секунды.

Затем он оказался в длинном коридоре, адреналин бурлил в его жилах, и необходимость прислоняться к стене после каждого нескольких шагов стала непреодолимой. Крепко сжимая в

руке бластер, он не слышал никаких сигналов тревоги, только слабый звук, от которого, вероятно, заболели уши. Он поднес свободную руку к голове, но, не обнаружив крови, решил не проверять нос. Несмотря на едкий привкус крови в горле, он заставлял себя сглатывать каждые несколько секунд, пытаясь облегчить дискомфорт. Дойдя до конца коридора, он наугад выбрал направление и заметил камеру наблюдения, установленную на крыше. Держа в руке тяжелый бластер, он прицелился и выстрелил.

Ему потребовалось шесть попыток, чтобы уничтожить камеру, несмотря на то, что он прислонился к стене для поддержки. Затем до него дошло, что он, вероятно, потерял свой шифратор во время взрыва. Это означало, что ему нужно будет использовать свое оружие, чтобы уничтожить все камеры наблюдения и Исламира, с которыми он столкнется. Постепенно он начал осознавать свои намерения.

Ему нужен был закольцованный коридор, чтобы, если он уничтожит любого Исламира или камеры, они снова появятся, когда он продолжит идти, и в конечном итоге вернется к исходной точке с Мадин и ее войсками на буксире — но без какого-либо Исламиса в поле зрения. Он неуверенно пошатнулся, понимая, что его подгоняет прилив адреналина, понимая, что его действие ненадолго, но это было все, чего он желал в тот момент — этой единственной случайной встречи с Мадин, этой мимолетной возможности.

<http://tl.rulate.ru/book/50172/1295697>